

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 6
2019

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 6 2019

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук А.Г. Ситдиков

Ответственный редактор:

докт. ист. наук И.Л. Измайлов

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Ситдиков А.Г., д.и.н. (Казань); **Измайлов И.Л.**, д.и.н. (Казань); **Галимова М.Ш.**, к.и.н. (Казань); **Чижевский А.А.** к.и.н. (Казань); **Иванов В.А.** д.и.н. (Уфа); **Боталов С.Г.** д.и.н. (Челябинск); **Голдина Р.Д.** д.и.н. (Ижевск).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агенство "Роспечать"

Выход 6 раз в год

© ООО «Поволжская археология», 2019

© Академия наук Республики Татарстан, 2019

© Журнал «Археология евразийских степей», 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmaylov**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocar Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Izmaylov Iskander L.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Galimova Madina Sh.** Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Ivanov Vladimir A.** Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Botalov Sergei G.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Goldina Rimma D.** Doctor of Historical Sciences. (Izhevsk).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Петрович Казаков: к 85-летнему юбилею известного казанского археолога. Основные труды Е.П. Казакова	9
Голдина Р.Д. (<i>Ижевск, Россия</i>) О Евгении Петровиче Казакове	21
Чижевский А.А. (<i>Казань, Россия</i>) Евгений Петрович Казаков и археология Ананьинской историко-культурной исторической области	28
Иванов В.А. (<i>Уфа, Россия</i>) Вклад Е.П. Казакова в решении угорской проблемы в археологии Урало-Поволжья	42
Хузин Ф.Ш. (<i>Казань, Россия</i>) Старейшина татарской археологии (85-летию Е.П. Казакова)	47
Скаков А.Ю. (<i>Москва, Россия</i>), Джопуа А.И. (<i>Сухум, Республика Абхазия</i>) Исследование могильника на горе Джантух (некоторые итоги)	53
Подосенова Ю.А., Данич А.В. (<i>Пермь, Россия</i>) Височные украшения Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры	61
Семькин Ю.А., Гисматуллин М.Р. (<i>Ульяновск, Россия</i>), Крылов Ю.В. (<i>Сенгилей, Россия</i>) Борисов А.Е. (<i>Ульяновск, Россия</i>) Клад раннесредневековых артефактов из Сенгилеевского района Ульяновской области	79
Руденко К.А. (<i>Казань, Россия</i>) Новые данные о болгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Татарстане)	95
Крыласова Н.Б. (<i>Пермь, Россия</i>) Об одном из декоративных элементов мужского пояса XI в. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае)	111
Крыласова Н.Б., Белавин А.М. (<i>Пермь, Россия</i>) Эволюция «прикамской чаши» в эпоху средневековья	121
Боталов С.Г. (<i>Челябинск, Россия</i>) Зауральская угорская ойкумена эпохи средневековья	138
Исхаков Д.М. (<i>Казань, Россия</i>) Средневековая иштякская общность Приуралья и Зауралья: источниковедческий и конкретно-исторический анализ	160
Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Салугина Н.П. (<i>Самара, Россия</i>) Керамика из погребений Жигулевского II грунтового могильника: морфология и технико-технологический анализ	177
Измайлов И.Л. (<i>Казань, Россия</i>) Болгарская археологическая культура: структура и содержание понятия	198
Жилина Н.В. (<i>Москва, Россия</i>) Реконструкции убора из украшений для периода ранней истории Волжской Булгарии	223
Мухаметшин Д.Г. (<i>Болгар, Россия</i>) Восточные, западноевропейские и иноземные монеты из Болгар. Периодизация их проникновения	240
Губайдуллин А.М. (<i>Казань, Россия</i>) О болгарских городищах Западного Закамья	252
Баранов В.С., Измайлов И.Л. (<i>Казань, Россия</i>) К вопросу об атрибуции перстня из раскопок в Болгаре 2010 года	260
Степанов Р.А. (<i>Казань, Россия</i>), Бадеев Д.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Створка литейной формы из раскопа СХСII Болгарского городища	277
Недашковский Л.Ф. (<i>Казань, Россия</i>) Керамика с Увекского городища по архивным данным	283
Беляев А.В., Абдуллин Х.М., Сайфутдинова Г.М., Ситдинов А.Г. (<i>Казань, Россия</i>) Археологические и междисциплинарные исследования мусульманского кладбища «Биш-Балта» Адмиралтейской слободы Казани в 2017 г.	300

Гончарова Н.Н., Конопелькин Д.С. (Москва, Россия) Процессы сложения антропологических особенностей городского населения Центральной России в XVI – XVIII вв.	314
Данилова С.А. (Севастополь, Россия) Некрополь базилики “Крузе” по данным антропологии	334
Иконников Д.С., Калмин О.В., Калмина О.А. (Пенза, Россия) Население Пензы XVI – XVIII вв. по данным краниологии	337
Список сокращений	358

CONTENS

Evgeny Petrovich Kazakov. The 85th Anniversary of a Renowned Kazan Archaeologist. Major Works by E.P. Kazakov.	9
Goldina R. D. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) Evgeny Petrovich Kazakov	21
Chizhevsky A.A. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Evgeny Petrovich Kazakov and the Archaeology of Ananyino Cultural and Historical Area	28
Ivanov V.A. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) The Contribution of E.P. Kazakov: to the solution of the ugrian problem in the archeology of the Ural-Volga region	42
Khuzin Fayaz Sh. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Honoured Figure in Tatar Archaeology (85th Anniversary of E.P. Kazakov)	47
Skakov A. Yu. (<i>Moscow. Russian Federation</i>), Dzhopua A.I. (<i>Sukhum, Republic of Abkhazia</i>) Study of a Buryal Ground on Mount Dzhantukh (Summary Results)	53
Podosenova Yu. A., Danich A. V. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Temple Accessories of Bayanovskiy Burial Ground of the Lomovatovskaya Archaeological Culture	61
Semykin Yu.A., Gismatulin M.R. (<i>Ulyanovsk, Russian Federation</i>), Krylov Yu.V. (<i>Sengiley, Russian Federation</i>) Borisov A.E. (<i>Ulyanovsk, Russian Federation</i>) Hoard of Early Medieval Artifacts from the Sengileyevsky District of Ulyanovsk Oblast	79
Rudenko K.A. (<i>Kazan Russian Federation</i>) New data on bulgarian houses of pre-mongol time (on materials of the Ostolopovsky settlement in Tatarstan)	95
Krylasova N.B. (<i>Perm, Russian Federation</i>) One of the Decorative Elements of a 11th Century Men's Melt (Based On Materials from Rozhdestvensky Burial Ground in Perm Region)	111
Krylasova N.B., Belavin A. M. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Evolution of "Prikamskaya Bowls" in the Middle Ages	121
Botalov S.G. (<i>Chalyabinsk, Russian Federation</i>) Trans-Ural Ugric Oecumene of the Middle Ages	138
Iskhakov D.M. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Medieval Ishtyak Community of Cis-Urals and Trans-Urals: historiographic and concrete historical analysis	160
Stashenkov D.A., Kochkina A.F., Salugina N.P. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Ceramics from the Burials Zhiguli II Ground Burial: morphology, technical and technological analysis	177
Izmaylov I.L. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Bolgar Archaeological Culture: concept structure and content	198
Zhilina N.V. (<i>Moscow. Russian Federatiom</i>) Reconstructions of the Attire of Adornments of the Early Historical Period of Volga Bulgaria	223
Mukhametshin D.G. (<i>Bolgar, Russian Fedeation</i>) Oriental, Western European and Foreign Coins from Bolgar. Periodization of Distribution ...	240
Gubaidullin A.M. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Bolgar Settlements of Western Trans-Kama Region	252
Baranov V.S., Izmaylov I.L., (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) On Attribution of a Signet Ring from Bolgar Excavations of 2010	260
Stepanov R.A. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>), Badeev D.Yu. (<i>Moscow. Russian Federatiom</i>) Casting Mould Leaf from Excavation CXCII at Bolgar Settlement	277

Nedashkovsky L.F. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Ceramics from Uvek Settlement on the Basis of Archival Materials	283
Belyaev A.V., Abdullin Kh. M., Sayfutdinova G. M., Sitdikov A. G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Archaeological and Interdisciplinary Studies of Bish-Balta Medieval Muslim Cemetery in Admiralteyskaya Slodboda of Kazan in 2017	300
Goncharova N.N., Konopelkin D.S. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Formation of Anthropological Features of Central Russia Urban Population in 16th-18th Centuries	314
Danilova S.A. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>) “Kruse” Basilica Necropolis on the Basis of Anthropologic Data	334
Ikonnikov D.S., Kalmin O.V., Kalmina O.A. (<i>Penza, Russian Federation</i>) Penza Population in 17th – 18th Centuries on the Basis of Craniology Data	337
List of Abbreviations	358

УДК 902/904: 94(47)

<https://doi.org/10.244.11/2587-6112-2019-00088>

БУЛГАРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

© 2019 г. И.Л. Измайлов

В системе археологического знания понятие «археологическая культура» является сущностным теоретическим конструктом, определяющим гносеологические возможности и направление ее развития, как науки о прошлом человечества в целом. При этом понятие «археологическая культура» была и остается главным теоретическим инструментом, призванным изучать, описывать и реконструировать историческое прошлое. Археологическая культура служит специфическим связующим звеном между памятниками мертвой и ископаемой культуры и живым прошлым, благодаря ей у гуманитариев есть возможность сопоставлять данные археологии с другими смежными науками, позволяя сопоставлять археологические следы и остатки прошлой жизни и данными других источниковедческих дисциплин для реконструкции жизни человечества в рамках исторических нарративов. Археологические памятники, имеющие особые специфические особенности, объединенные в единый ареал могут считаться болгарской археологической культурой, оставленной населением Волжской Булгарии. Исследования этих памятников позволили выявить не только разнообразный материал по всем сторонам жизни средневекового населения, но и, при сопоставлении с другими материалами, заполнить лакуны и раскрыть многие, до этого неизвестные, страницы истории и культуры Волжской Булгарии.

Ключевые слова: археология, археологическая культура, Волжская Булгария, болгарская археологическая культура, археологическая карта, погребальная обрядность, города, ремесло, керамический комплекс, украшения, символы власти.

Археологическая культура: сложность сопоставления и верификации источников. В системе археологического знания есть несколько базовых терминов и понятий, которые являются базовыми и определяют ее специфику среди других гуманитарных наук. Особое место среди них занимает понятие «археологическая культура», являясь сущностным теоретическим конструктом, определяющим гносеологические возможности и направление развития археологии как науки о прошлом человечества в целом. При этом понятие «археологическая культура» была и остается главным теоретическим инструментом, призванным изучать, описывать и реконструировать историческое прошлое. Именно посредством этого понятия описывается многообразие археологическим объектам, производится их группировка, классифицирование и определение на шкале времени. Археологическая культура служит специфическим связующим звеном между памятниками мертвой и ископаемой культуры и живым прошлым, благодаря ей у гуманитариев есть возможность сопоставлять данные археологии с другими смежными науками – исторической антропологией, этнографией и источниковедением. Это понятие

является базовым и высшим, позволяющим описывать многообразные археологические следы и остатки прошлой жизни, сравнивать их подобными культурами или группировками массивов находок и памятников, а также с данными других источниковедческих дисциплин для реконструкции жизни человечества в рамках исторических нарративов.

Несмотря на важность и значение этого понятия для археологии, не все теоретические и практические проблемы ее решены. Часто являются дискуссионными сами критерии выделения тех или иных археологических культур и их обоснованность. Например, различных культур Южного Приуралья и Прикамья в первые века н. э. Во многом это связано с тем, что для подобного базового понятия археологии до сих пор нет конвенционального определения. На практике каждый исследователь вкладывает в это понятие любой и произвольный набор признаков, чаще всего таковым выступают набор керамической посуды или погребальный обряд, и делает на их основании выводы о характере исторических обществ, оставивших эти объекты. Подобный произвол ведет к принципиальной несопоставимости критериев выделения археологических культур и их

несоизмеримостью. Действительно, никакое продуктивное сравнение культур невозможно, если одна культура выделена на основе характерных предметов (например, шнуровой керамики и каменных топоров), а другая – на основе скорченного обряда погребения в срубках, под небольшими курганами. Разумеется, на практике подобные корреляции бывают более сложными, но суть дела от этого не меняется, поскольку нет общепризнанных критериев и механизмов выделения ареалов различных культур. С одной стороны, это затрудняет предметный спор и сопоставление этих культур, а с другой – не позволяет делать корректную и регулярную реконструкцию прошлых обществ, оставивших объединяемые в культурные ареалы памятники археологии.

Еще более сложная ситуация установилась для тех исторических периодов, которые изучаются в значительной степени археологическими методами, но при этом исследователи не склонны рассматривать процедуры их изучения как археологические. Они предполагают, что археология выступает в этом случае как второстепенная вспомогательная дисциплина, а объектом своего изучения считают некие исторические общества. Например, для Киевской Руси и русских княжеств IX–XIII вв. постулируется образование некоей «древнерусской народности» (см.: Седов, 1999; Котляр, 1998; Толочко, 2005), но при этом в археологическом смысле статус и ареал распространения русских памятников не определен и не установлен. Он постулируется в пределах Древнерусского государства с неопределенными границами (Седов, 1982; Седов, 1994, Седов, 1995). Теоретически при этом остается непонятым, как соотносятся древнерусская археологическая культура с территорией Киевской Руси и русских княжеств. Обычно все многообразные памятники, которые известны на территории очерченной по историческим материалам, называются «русско-славянскими» и на их основе постулируется формирование «древнерусской народности» (см.: Седов, 1982; Седов, 1999).

Но здесь возникают серьезные вопросы, поскольку территория государства не только не полностью совпадает с археологическими реалиями, называемыми «древнерусскими», а часто совсем не представляют собой какого-то единства и различаются на всей территории Руси (например, длинные сопки и срубные гробницы, курганы с трупосожжением и

грунтовые погребения), но игнорируют, что на этой территории имеются ареалы субстратных культур, свидетельствующих о наличии больших массивов языческого финно-угорского населения – мери, вепсов, корелы, а на юге Киевщины – Черных Клобуков (см.: Плетнева, 1973; Рябинин, 1981; Кочкуркина, 1982; Кочкуркина, 1986; Рябинин, 1986; Рябинин, 1997). Фактически все эти вопросы отбрасываются, а данные археологии служат лишь некоей иллюстрацией выводов историков экстраполируемых на комплекс материальных древностей. Тогда становятся непонятны теоретические механизмы конструирования этой самой «древнерусской народности» из данных археологии. Получается, что отсутствие строгого описания «древнерусской археологической культуры» ведет к тому, что исторические выводы о структуре русского этноса и социальных процессов построены в основном на априорных, конвенциональных данных.

Возникает парадоксальная ситуация, когда ведущие московские центры археологии отказываются считать **археологию** вполне компетентной наукой, чтобы изучать древности Киева или Новгорода, а провозглашают ее вспомогательной исторической дисциплиной. При этом на словах именно в археологических источниках представители этой научной школы видят главный прорыв в изучении культуры и истории древнерусских земель.

Как же возникла и утвердилась в нашей науке подобная парадоксальная ситуация?

Парадигма советской археологии: метод восхождения от конкретного материала к абстрактным моделям прошлого. В процессе становления гуманитарных наук, занимающихся изучением и реконструкцией исторического прошлого, произошло постепенное разделение сфер приложения различных методов исследования. За свою историю археология прошла значительный путь развития от классификации и описания антиквариата до полноценных раскопок различных объектов и установления ареалов вещей и памятников. В Западной Европе она постепенно сформировалась как раздел антропологии в самом широком смысле этого понятия, на стыке естественных и гуманитарных наук о человеке и одновременно, как раздел источниковедения, занимающегося изучением антиквариата, который позднее начал, благодаря раскопкам, извлекать находки и фиксировать

следы прошлой жизнедеятельности. По сути дела, в европейской академической науке в начале XX в. сложились две науки о древностях – одна проводила исследования по методам близким к геологическим наблюдениям и была связана с антропологией, как наукой о древнейшем прошлом человечества, а вторая – служила дополнением и наглядной иллюстрацией достоверности письменных источников (Монгайт, 1973; Клейн, 2011).

В России, где за исключением Северного Причерноморья своих классических древностей не было, оба эти направления были тесным образом связаны, поскольку исторические источники были отрывочными и лакокнижными (Формозов, 1961; Формозов, 1986; Клейн, 2011). Но формирование археологических знаний происходило медленно и еще более медленно происходило осмысление и обобщение этих данных. Только к концу XIX – началу XX в. локальные сведения начали объединяться в ареалы, которые получили в отечественной науке название «культур». Однако, как и многие изменения, они произошли уже позднее в другой социальной и идеологической реальности.

Радикальные перемены всей общественно-политической и экономической жизни советского общества в 1929 г., который И.В. Сталин удачно назвал «великим переломом», затронули и археологическую науку. В первую очередь, все эти изменения, имевшие характер «резкой и насильственной «марксизации» науки» (Алымов, 2009, с. 8; Также см.: Соловей, 2001, с. 101–121) носили характер смены парадигмы науки (см.: Неретина, 1990, с. 22–49). Несколько параметров этой парадигмы широко известны – выработка новых «материалистических» (на деле вполне позитивистских, не диалектических) методов изучения прошлого в условиях усиления и ужесточения идеологического диктата. Важную роль в становлении этой новой парадигмы исторической науки отводилась археологии, как научной дисциплине, позволявшей на основе материальных остатков реконструировать ранние стадии истории человечества. Особенно актуально это стало в период создания историй народов СССР с древнейших времен.

Эта борьба под лозунгом «Больше марксизма!» велась по всем направлениям науки, поскольку именно от того, кто возьмет верх, зависело под чьим руководством и в какой

редакции будет утверждена новая парадигма наук об ископаемом прошлом. В частности, ожесточенная борьба развернулась по поводу названия самой науки. Высказывались мнения, что «археология» и «история материальной культуры» – это две самостоятельные и разные науки со своими предметами и различными методами, используемыми этими дисциплинами в своей научной практике.

При этом «археология» признавалась «буржуазной» наукой, для которой характерно увлечение «вещеведением» без выхода на широкие историко-социологические и этнокультурные обобщения. Предметом критики этих марксистствующих идеологов стали формально-типологические методы и в целом стремление сосредоточить усилия на эмпирической стадии исследования. Красноречивы названия статей В.И. Равдоникаса (1932; 1935), С.Н. Быковского (1931) и М.Г. Худякова (1931; 1933): «Археология на службе у империализма», «Классовая сущность буржуазной археологии»; «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов».

«Истории материальной культуры» наоборот придавалось приоритетное значение поскольку она в трудах теоретиков науки постулировалась в качестве новой марксистской дисциплины, призванной заменить все другие науки о прошлом человечества (см.: Равдоникас, 1930; Быковский, 1932; Смирнов, 1932). В их трудах понятию «история материальной культуры» придавалось очень широкое толкование с выходом на социально-исторические реконструкции, в которых большое значение отводилось истории материального производства, через которое можно было реконструировать не только жизнь и социальные отношения древних обществ, но и общественно-экономические формации.

В значительной степени это был схоластический спор, поскольку археология и история материальной культуры имеет дело с вещественными источниками, на основе которых изучается древнее общество. Оттенки были только в том, что некоторые «историко-марксисты» полагали, что изучение материальной культуры позволяет прямо анализировать древнее общество, его духовную культуру и социальный строй. Спор этот шел и за приоритет определять политику в области наук о прошлом, что нашло отражение в названии двух ведущих археологиче-

ских учреждений страны: «Государственная академия истории материальной культуры» (Ленинград) и «Институт археологии и искусствознания» (Москва).

Именно в конце 1920-х – начале 1930-х гг., учениками В.А. Городцова в Москве был изобретен «метод восхождения», суть которого состояла в возможности лишь по орудиям труда полностью реконструировать не только социально-экономические системы прошлого, но и идеологию (Арциховский, 1926; Киселев, 1928; Арциховский, Киселев, Смирнов, 1932). Появление и развитие этой методики неразрывно связано со становлением советской археологии в целом и поискам методов реконструкции древнего общества во всех его проявлениях в частности (см.: Генинг, 1982; Клейн, 1993). Собственно это был теоретический ответ московских археологов на стремление части ортодоксальных марксистов-археологов отменить археологию как науку и заменить ее «историей материальной культуры». При этом такой подход стал универсальным, который примирял различные стадии археологических исследований, не сводил археологию к вещеведению, а также давал теоретическое обоснование стремлению «археологов-марксистов» рассматривать древние общества через призму материальной культуры. Постепенно ожесточенные идеологические споры прекратились и новая парадигма получила статус единственной приемлемой «марксистской теории» археологической науки.

Основой подобной методики стало прямое отождествление археологических находок с различными историческими процессами. Этот подход получил наименование метода «восхождения», сущность которого был подъем от изучения отдельных предметов и объектов прошлого к анализу культур и от него к созданию полноценной картины истории. Он активно применялся в советской науке о прошлом в качестве универсальной процедуры как для решения социальной, так и этнокультурной реконструкции. По такой методике построены многочисленные «древние истории» регионов, где излагались материалы археологических исследований и делались выводы исторического характера. Суть этого метода выразил А.В. Арциховский в сакраментальной дефиниции: «археология есть наука, изучающая историческое прошлое

человечества по вещественным историческим источникам» (Арциховский, 1955, с. 3).

Подобный тезис, рожденный «марксистской археологией» в годы «великого перелома» был и до сих пор является ведущим в определении сути науки об ископаемом прошлом человечества. В наиболее четкой и развернутой форме эта концепция выражена, разумеется, в учебниках археологии. Долгое время эту функцию выполнял учебник А.В. Арциховского (1955), но в 1970-е гг. он заметно устарел и его заменил учебник Д.А. Авдусина «Основы археологии», выдержавший множество изданий и ставший основным вузовским учебником по курсу «Археология» вплоть до начала XXI в. В нем прямо сказано, что «Разделение истории и археологии является условным. ... Историческая наука имеет в своем распоряжении два вида источников – письменные и вещественные. Отсутствие письменных источников для древнейшего периода истории – одна из причин обособления археологии в особый отдел истории» (Авдусин, 1989, с. 5). Получается, что археология и история (правильнее было бы сказать, источниковедение или историческая текстология) – это две обособленные и равноправные науки. Но в этом случае археология является источниковедческой дисциплиной, которая в ряде случаев или обстоятельств выполняет ведущие функции по отношению к другим таким же источниковедческим наукам. Современное понимание истории, как «историописания» или науки, создающей повествовательные нарративы о прошлом на основе комплекса всех фактов – никак не сводимо к одной источниковедческой дисциплине. Она гораздо шире по содержанию и по постановке проблем. Сравнить археологию с историей можно только в одном случае – смешав разные понятия (научное (комплексный нарратив) и обыденные (любой писанный текст по мотивам прошлого) и благодаря этой подмене, представить археологию равной «условной истории».

Понимая, что попал в логический тупик и сам же представил археологию в виде обычной источниковедческой дисциплины, автор учебника Д.А. Авдусин пытался спасти положение специальным рассуждением: «Археология не относится к вспомогательным историческим дисциплинам. На своем материале археологи ставят и решают широкие исторические проблемы. Археология – наука много-

сторонняя, которая изучает человека, пожалуй, полнее, чем любая другая, начиная с его становления до проявлений форм общественного сознания» (Авдусин, 1989, с. 5). Таким образом, автор пытается нас уверить, что археология является самостоятельной равной истории наукой, поскольку изучает человека вплоть «до проявления форм общественного сознания», чтобы это ни значило (то ли способна изучать эти «формы сознания», то ли ограничена в изучении стадией до появления этих «форм общественного сознания», то есть практически приматов до появления человека, поскольку предполагается, что люди уже на заре своей истории эти формы общественного сознания имели).

Но далее мысль автора сделала крутой поворот и он написал, что «археологи добились умения анализировать древние вещи и сооружения, доказали возможность использования их как исторического источника» (Авдусин, 1989, с. 6). Поскольку до этого автор ничего не писал об «археологических источниках» (а только о вещественных), то получается, что археология не только изучает свои материалы как «исторические источники», но и является, вопреки ранее заявленному тезису, вспомогательной источниковедческой дисциплиной.

Любая историческая дисциплина (т. е. изучающая прошлое человечества) способна извлекать историческую информацию (иначе она не была бы исторической), но между собственной компетенцией этой науки и исторически нарративом находится текст, который анализирует и описывает собственную информацию этой дисциплины. Для археологии это выглядит примерно так. Производство полевых исследований и последующая камеральная обработка полученного эмпирического материала заканчивается полевым отчетом, который является обобщенным сводным текстом, но не служит еще историческим источником. Только специальное переосмысление его данных, сопоставление с данными других памятников (описанных или проанализированных автором), компаративистский анализ данных других исторических дисциплин, позволят превратить этот новый текст в исторический нарратив, включив в оборот исторической науки. Но для Д.А. Авдусина было достаточно указать, что вещи неотделимы от общественной среды, а реконструкция исторических явлений должна быть произ-

ведена «лишь на основе совокупности имеющихся в распоряжении исследователя исторических источников» (Авдусин, 1989, с. 6).

На основе всех высказанных замечаний автор формулирует такую дефиницию: «археология – отдел исторической науки, изучающий развитие человеческого общества и закономерности этого развития преимущественно по вещественным историческим источникам. Имея в виду, что эти источники выкапывают из земли, археологию образно называют историей, вооруженной лопатой» (Авдусин, 1989, с. 6). Если не обращать внимания на противоречие с тем, что ранее сам автор говорил о том, что история и археология – это равнозначные науки и археология не является вспомогательной исторической дисциплиной, а обратиться к сути этого определения, то становится понятным, что автор легко смешивает разные понятия, превращая эту дефиницию в неудобоваримую смесь. Например, получается, что археология как самостоятельная наука изучает «вещественные исторические источники». Почему не «археологические» и почему только «вещественные»? Как быть со следами, остатками и отпечатками жилищ на материковой глине? Их можно назвать и «вещественными», но таковыми они станут только в информационном плане после их фиксации в планах, фотографиях и описаниях или после консервации. Удивительно, но далее автор в тексте пишет уже об «археологических источниках», которые «содержат в открытом или скрытом виде информацию о деятельности людей», а также «по своей природе более достоверны, чем письменные», хотя и сакраментально замечает, что «не следует лишь требовать от археологических источников больше, чем они могут дать» (Авдусин, 1989, с. 8). Тем самым автор ставит несколько загадок. Как коррелируются исторические и археологические источники, как определить пределы компетенции археологии, что автор понимает под «достоверностью археологического источника» и т. д.

Нельзя не удивляться и легкости, с которой автор то говорит об археологии как о науке, а то называет ее «отделом исторической науки». Главный вывод, который можно сделать – это то, что археология – это отдел истории, имеющий свои специфические источники и методы («вооруженная лопатой» история) для изучения древних обществ.

В другом конкурирующем учебнике «Археология СССР» определение археологии выглядело так: «Археология – историческая наука, изучающая прошлое человечества на основании археологических источников и с помощью специальных, присущих ей методов» (Мартынов, 1982, с. 5). Это определение является более четким, но, по сути, мало чем отличающимся от предшествующих принципиально. Археология также объявляется исторической наукой (то есть, не отделом истории, а самостоятельной дисциплиной), которая на основании своих археологических источников изучает историческое прошлое. В этом определении много непонятного. Например, остается неясной иерархия исторических дисциплин в целом и место среди них археологии. Надо понимать автора так, что археология на основании своих методов и источников (материальных предметов и остатков) изучает прошлое общество во всем его многообразии и полноте. В некотором смысле это возрождение теории «истории материальной культуры», которая была объявлена единственно способной изучать и общество и общественно-экономические формации на основании постулатов исторического материализма.

Правда, автор далее пишет, что «в отличие от истории археология не занимается изучением всех разделов истории человечества и не может заменить историю первобытного, рабовладельческого и феодального обществ», однако «для многих территорий археологические материалы стали основным источником изучения истории» (Мартынов, 1982, с. 5). Иными словами, археология имеет компетенцию в специфических условиях (пространственных и временных) отсутствия других, прежде всего письменных источников, но в этом случае решает свои задачи как полноценная историческая наука, описывающая историю общества во всей ее полноте. Получается, что в определенных условиях археология, изучая свои источники, на самом деле изучает исторические. Вопрос, откуда они могли взяться, остался неизвестным. Впрочем, в советской науке подобные вопросы предпочитали не задавать, поскольку решать их могла только философия исторического материализма, а частные науки должны были обходиться только прикладным знанием.

Подобная ситуация сохранялась на всем протяжении советского периода развития

науки, а после распада СССР рассыпалась и его идеология и методология. Но в археологии эти советские традиции продолжали и продолжают существовать, отравляя вокруг все живое и новое. Так, если мы обратимся к новому вузовскому учебнику археологии, изданному в Московском университете под редакцией академика В.Л. Янина, то увидим, что определение, которое там дано, ничем существенным не отличается от предыдущей традиции, заложенной еще А.В. Арциховским. Археология в нем трактуется как «отрасль исторической науки, изучающая прошлое человечества преимущественно на основе вещественных исторических источников, или археологических памятников в широком смысле слова» (Археология, 2012, с. 8). В этой дефиниции заметно влияние определения А.Д. Авдусина – отсылки к «отрасли исторической науки», к изучению «вещественных, исторических источников», которые одновременно оказываются «археологическими памятниками». В принципе, археологи изучают, разумеется, археологические объекты, но откуда в памятниках и вещах могут взяться «исторические источники» так и остается непонятным. Причем нигде в этом учебнике нет ни слова о соотношении вещественных и исторических источников, что заставляет полагать, что авторы считают их идентичными. Далее авторы только усиливают это понимание, подчеркивая: «необходимость археологии в первую очередь обусловлена наличием периодов, сторон или явлений человеческой истории, не отраженных в письменных источниках и устной информации» (Археология, 2012, с. 8). Иными словами, там и тогда, где информация отражает прошлое достаточно (думается, что такие «периоды и явления» если когда и где существовали, то только в крайнем идеале), то необходимость в археологии, в принципе, безгранична. Под предлогом того, что источниками то или иное явление прошлого освещено слабо, то археология, изучая «вещественные исторические источники», берет на себя функции истории. Получается, что археология как наука не имеет права на существование. Если считается, что источников достаточно, то необходимость в ней отсутствует, а, если недостаточно, то она превращается в обычную историю, вооруженную лопатой (точно также как источниковедение – история вооруженная пером и лупой). Так или иначе, получается, что архео-

логия или отрасль истории или сама является историей, вооружившаяся лопатой. Довольно странная дефиниция, открывающая введение к учебнику под названием «Археология».

Впрочем, главный недостаток этой дефиниции, как и всех ей подобных в том, что ее авторы пытаются гарцевать на причудливом кентавре. С одной стороны, признается, что археология – отрасль (отдел) истории, то есть вспомогательная источниковедческая дисциплина, а с другой – она практически и есть история, поскольку только она способна изучать «вещественные исторические источники» фактически всех периодов прошлого человечества или тех регионов, где посчитает, что этих источников недостаточно.

Подобная трактовка археологии как исторической науки восходит еще к периоду внедрения марксизма и материализма в советскую науку, когда становым хребтом теории познания и высшим теоретическим основанием всех исторических наук декретивно считался исторический материализм. Обосновывая «историчность» археологии, «археологи-марксисты» и разработали еще в конце 1920-х гг. пресловутый «метод восхождения». Поскольку основной теоретической аксиомой и «символом веры» советской истории были «материалистические» представления о примате материи над духом, определяющем влиянии материального мира на духовный, и, соответственно, базиса (материального производства) над надстройкой (культурой, наукой, языком, религией и т.д.), он позволял его адептам возможность прямо проецировать любые свои выводы, полученные путем археологических изысканий, на древнее общество, например, на проблемы этногенеза или социально-политической истории.

Удивительно, но подобная парадигма продолжает действовать и в современности, тогда как все идеологические догматы и псевдоматериалистические постулаты другими гуманитарными науками были отвергнуты. Получается, что археология остается в теоретическом отношении «заповедником гоблинов» – территорией знания, где практически безраздельно господствуют квазиматериалистические, псевдомарксистские и даже сталинистские схемы и концепты.

Археологическая культура: дискуссии и формулировка нового понятия. В 1930–70-е гг. никто не подвергал сомнению подобные аксиомы, но в конце 1970-х гг. среди археологов,

знакомых с опытом развития науки в зарубежных странах и новыми теоретическими исканиями, стало проявляться недовольство господством устаревших сталинистских догматов. Все чаще звучала критика «исторической археологии», покушавшаяся на целостность этой советской химеры. Разбивая теоретическую целостность подобной парадигмы, высказывались мысли о том, что «между археологическими фактами и их историческим объяснением нет строгой предопределенности и причинно-следственной связи ... Всякая система археологических фактов может иметь не одно, а несколько исторических объяснений, из которых нужно выбрать наиболее непротиворечивые», а теоретическая основа археологии не может быть подменена постулатами исторического материализма (Шер, 1976, с. 75). Появился и теоретический манифест подобной концепции, аргументированно отвергающий попытки археологов решать на основе своих источников исторические проблемы (Клейн, 1978).

В этих условиях сторонники «исторической археологии» решили подвергнуть критике своих оппонентов (Захарук, 1983, с. 72–81) и обосновать свою концепцию, создав цельную теоретическую концепцию (Генинг, 1983). Главный адепт ее В.Ф. Генинг выразил суть своей концепции предельно четко: «Объект исследования археологии шире и включает не только предметный мир древних обществ, но и сами эти общества как функционировавшие в древности целостности» (Генинг, 1983, с. 105) и далее продолжил: «Специфическим предметом науки в археологии следует считать закономерности опредмечивания человеческой деятельности, а объектом – общества прошлого» (Генинг, 1983, с. 182). При этом он подчеркнул, что именно археология как историческая наука должна доводить изучение своих источников до того «предельного уровня познания общественных структур, до которого доводят свои исследования все науки исторического профиля» (Генинг, 1983, с. 35). Позднее эти тезисы были им развиты в другом труде, где он попытался обосновать эту теорию, назвав ее «социоархеологией» (Генинг, Генинг, 1992). Надо сказать, что эта работа уже не получила должного общественного резонанса и практически прошла незамеченной. Многие археологи, придерживаясь ее основных положений по необходимости или по традиции на прак-

тике, не принимали ее в виде концептуальных изысков и, понимая насколько она уязвима в теории, пытались выстроить свои методики «восхождения» (Массон, 1978; Рыбаков, 1978, с. 5–7; Захарук, 1989, с. 207–214; Массон, 1996; Толочко, 2007).

Но уже к началу 1980-х гг. подобная парадигма советской археологии не являлась безраздельно господствующей в отечественной науке. Появился новый подход. Разрабатывал его Л.С. Клейн (1978; 1980, с. 99–115; 1991; 1993; 2001; 2004; 2011; 2014), считавший специфику археологии в том, что она является гуманитарной (по мировым стандартам антропологической) наукой, находящейся на грани с естественнонаучными дисциплинами и науками (геология, историческая география, физика, геногеография и т.д.), но изучает на основе своих специфических источников (вещей, следов и остатков жизнедеятельности) прошлое человечества.

Особенно ярко противостояние двух концепций понимания археологии, как особой науки, проявилось в дискуссии вокруг монографии В.Ф. Генинга о предмете и объекте археологии (Захарук, 1983. № 3, с. 72–81; Клейн, 1986, с. 209–219; Генинг, 1989, с. 215–228; Захарук, 1989. № 3, с. 207–214). Новым и принципиально важным моментом, автор считал мысль, что археология «исследует исторический процесс всесторонне, во всех сферах жизнедеятельности древних обществ в пределах сохранившихся остатков и следов жизнедеятельности», а «реконструкция исторического процесса производится исключительно по археологическим материалам» (Генинг, 1983, с. 26, 38),

Наиболее аргументированной и последовательной критике этот труд был подвергнут в рецензии Л.С. Клейна, который доказывал, что сама концепция «археологической истории» является не только внутренне противоречивой, поскольку оговорка «в пределах», в принципе не позволяет науке изучать исторический процесс «всесторонне, во всех сферах жизнедеятельности» (Клейн, 1986, с. 215), но и противоречит всей многовековой археологической практике. Коль скоро археология имеет дело со «следами и остатками прошлой жизнедеятельности», то и не может претендовать на всестороннюю реконструкцию жизни древних и средневековых обществ. Восполнить недостающие лакуны в знаниях она может только в кооперации с другими наука-

ми, которые координирует свои специфические источники в рамках общей исторической науки.

Другим важным моментом, скорее психологического и гносеологического свойства, является то, что археологи, часто создавая нарративы по мотивам своих изысканий, теряют грань между различными дисциплинами. Им кажется, что поскольку они могут написать исторический текст, то такая способность археологии реконструировать функционирование древних обществ должно быть возведена в принцип науки. В.Ф. Генинг выразил это наиболее четко и откровенно: «ограничение науки ее спецификой обедняет и принижает роль археологии» (Генинг, 1983, с. 212–213), а последовательное изучение археологических источников, по его мнению, «возрождает вещеведческое направление» и провоцирует «отрыв археологии от историко-социологической проблематики» (Генинг, 1983, с. 166–167). Странно полагать, что ограничение объекта исследования своей науки, присущими ей источниками, может быть «унизительной». Это все равно, что энтомологи посчитали, что могут на основе изучения роя муравьев и пчел, реконструировать жизнедеятельность и поведение человеческого общества. На то разграничение компетенций наук, чтобы не ставить между ними непроходимые границы, а в том, чтобы любой исследователь понимал пределы своей компетенции и не стремился к «рейдерским захватам» чужой области знания, а встраивал свои материалы к источникам, концепциям и реконструкциям, существующих в этой дисциплине.

Чтобы продемонстрировать этот тезис достаточно привести такой пример. В последнее время генетики стали активно изучать генотипы и гаплогруппы древнего населения Земли. Они не только изучают цепочки геномов, но реконструируют их последовательность, фиксируя ее в пространстве и во времени. И на основании своих источников некоторые из них (например, А.А. Клесов) начинают реконструировать древнюю и средневековую историю человечества или отдельных народов. В ответ на критику со стороны историков, что нельзя рассматривать нации в качестве популяций, они возражают, что изучают свои источники и не считают нужным остановиться в своих исследованиях, оставаясь в своей «узкой и унизительной» компе-

тенции химии генома, а стремятся к полному и всестороннему познанию обществ древности. На этом основании некоторые генетики считают возможным писать историю народов, так как она представляется им, своего рода «генотипической историей».

Представляется, что более точным будет считать археологию, *наукой, которая изучает материальные остатки и следы деятельности человека (вещественные источники) с целью извлечения информации о прошлом человечества*. В основе археологической науки лежит система методик выявления, сбора и обработки археологических источников и преобразование, полученной в результате исследований информации путем сопоставления с данными других наук (источниковедение, этнология, антропология и т. д.) для изучения в рамках древней и средневековой истории (близкие определения см.: Петров, 2008, с. 4; Клейн, 2014, с. 20–21). Методика археологии изменяется в зависимости от исследуемого исторического периода и археологического памятника.

Археологический источник имеет два разрыва в понимании: в традиции (между прошлой и настоящей культурой) и объективации (разрыв между «языком вещей» и языком, которым оперирует наука) познании выделяется ряд этапов. На первом – эмпирическом – производятся археологические раскопки, выявляются и фиксируются следы и остатки прошлого, которые путем специфических археологических методик систематизируются, классифицируются и ориентируются в пространстве и во времени, чтобы представить их в качестве археологических источников. В ходе дальнейших исследований эти источники включаются в исторические исследования путем преобразования ее для сопоставления с данными других наук (источниковедение, этнография, антропология и т. д.) для изучения методами других наук в рамках древней и средневековой истории.

В теоретическом плане подобный подход настаивает на особом статусе археологических источников и четком определении возможностей и рамок этой науки в познании прошлого. Характерно обращение его сторонников к проблемам соотношения этнических и социальных явлений в понятии археологической культуры, более четкого теоретического обоснования реконструкций прошлого

и т. д. (Клейн, 1978; Клейн, 1980, с. 99–115; Клейн, 2001; Клейн, 2004).

Поэтому в отличие от «исторической археологии» (или «социоархеологии»), которая полагает, что изучает историческое прошлое с помощью археологических (или вещественных) источников, источниковедческая парадигма исходит из того, что цель археологии как науки изучать археологические источники, создавая материал для последующей реконструкции явлений прошлого в рамках комплексного исторического исследования. Разница между двумя парадигмами археологии имеет не стилистический, а принципиальный характер. Она прочерчивает грань между археологией, которая стремится быть самостоятельной наукой, со своими источниками, предметно-объектной базой и теми, кто размывает эту целостность, причудливо и субъективно смешивая ее с отрывочными историческими данными, формируя свою особую фантомную «археологическую историю», которая не имеет ничего общего с реальным историческим прошлым.

Археологическая культура: этническая территория, ареал памятников и комплекс типов находок и явлений

Принято считать, что основным или базовым понятием археологии как науки является «археологическая культура». Благодаря этому теоретическому конструкту у археологов появилась возможность не просто делить памятники по большим эпохам и периодам (каменный, бронзовый века, палеолит или неолит), но и разграничивать и во времени и пространстве, группируя вещи и типы вещей и явлений в устойчивые комплексы. Анализ их динамики во времени и пространстве позволил сделать выводы о пульсации сходства вещного мира прошлого и, соответственно делать выводы о соответствии этим явлениям в событиях хозяйственной жизни, социальным сдвигам или миграциям древних народов.

Впервые подобные группировки памятников стали предпринимать выдающиеся теоретики европейской науки германский археолог Р. Вирхов (1821–1902) и шведский археолог О. Монтелиус (1843–1923). Они не только картографировали различные памятники, объединяя их в культуры, но и, сопоставляя с данными языкознания, пытались проследить древние миграции (см.: Монгайт, 1973, с. 35–38). В классической форме подоб-

ные исследования достигли в трудах Г. Косинны (1858–1931), который, группируя различные категории находок, поставил вопрос о существовании особых «культурных провинций» (аналог понятию «археологическая культура»), имеющих свою динамику развития и совпадении этих ареалов культурных явлений с данными о древних народах. Позднее на этом основании он выдвинул теорию о совпадении «во все века» четко ограниченных археологических культурных провинций с «совершенно определенными народами или племенами» (см.: Монгайт, 1973, с. 39 и далее; Клейн, 2000, с. 88–140). В отечественной науке одним из пионеров группировки археологического материала и объединения его в ареалы – археологические культуры был А.А. Спицын. Ориентируясь на труды европейских археологов, он стремился не просто объединять памятники в «культуры», этот термин он ввел в свои работы в 1901 г., но и сопоставить с данными письменных источников (см.: Платонова, 2010, с. 109–112; Платонова, 2019, с. 332–342).

На этой традиции развивалась российская и советская археология в 1930–50-е гг. Понятие «археологическая культура» широко вошло в научный оборот и стало применяться к различным явлениям и группировкам археологического материала. Поскольку все эти культуры мыслились в качестве материального отражения различных этнокультурных явлений, то количество их стало быстро увеличиваться в условиях, когда началось сплошное археологическое изучение территории СССР, благодаря исследованиям на новостройках, формированию национальных и региональных историй и т. д. Уже в начале 1950-х гг. стало понятно, что бесконтрольное, произвольное и субъективное конструирование различных культур, не позволяет понимать этнокультурные процессы, которые протекали в древнейшем прошлом. Как писал по этому поводу А.Я. Брюсов: «Чтобы разобраться в этой пестрой картине и восстановить по археологическому материалу историю первобытных племен этого времени, необходимо, очевидно, более тщательный анализ, чем производившийся ранее» (Брюсов, 1952, с. 12).

Главной причиной этого своеобразного тупика, в который попала отечественная археология, он считал «неопределенность понимания термина «археологическая культу-

ра»», поскольку «не существует, строго говоря, никаких общепринятых положений о том, какие признаки надо считать обязательными для причисления памятников к той или иной культуре», а «такое разнообразие в употреблении термина «культура» приводит к недоразумениям» и видел выход из этой ситуации в том, чтобы «внести большую точность в его понимание» (Брюсов, 1952, с. 12). Подобный произвол и «поверхностное отношение к термину «культура» повлекло за собой поверхностное отношение к тем фактам, которые могли бы помочь нам восстановить по археологическим данным ход исторического развития тех первобытных общественных коллективов, отражением производственной деятельности которых являются археологические культуры» (Брюсов, 1952, с. 13). Он полагал, что термин «культура», «который употребляется в самых разнообразных случаях, совершенно необходимо определить, какую историческую категорию надо видеть в этой культуре: племя, группу родственных племен, союз племен, народность и т. д.» (Брюсов, 1952, с. 13).

Правильно заостренная на недостатках применения термина «археологическая культура» проблема, подразумевала, что правильное понимание того, какая общность за ней стояла, решит ее. Но это было, несомненно, иллюзией, поскольку именно в этом отождествлении культуры с народами (родоплеменными группами и народностями) и был главный недостаток советской науки. Но А.Я. Брюсов попытался сформулировать и другой ответ на эти проблемы, который он видел в четком и строгом конвенциональном подходе к определению понятия «археологическая культура» и процедурам ее выделения, основой которых он считал картографический подход. Под археологической культурой он понимал «единство археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени, обычно в несколько сот лет, реже – к тысячелетию и более. Это единство выражается в близком сходстве типов орудий труда, утвари, оружия и украшений, находимых в этих памятниках (поселение, могильник, жертвенное место, клад и т. д.), в сходстве типов построек и погребальных обрядов, в однообразном изменении их форм с течением времени (преемственность типов, обусловленная передачей опыта от поколения к поколению).

Это сходство не может ограничиваться только общими чертами, которые нередко возникают в силу близости ступени развития производительных сил общества и формы хозяйства, а отчасти вследствие однообразия окружающей среды. Наиболее отчетливо это единство проявляется в деталях форм вещей – орнаменте, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники. Археологические культуры, понимаемые таким образом, отражают в своем единстве своеобразие техники, хозяйства, быта и других сторон жизни определенной этнической группы, обычно группы родственных племен, в процессе конкретного исторического развития, начиная со ступени полного расцвета родового строя в неолитическую и бронзовую эпохи» (Брюсов, 1952, с. 20). Данное определение, если исключить характерную для советской «археологической этнологии» привязку данных археологии к «определенной этнической группе», может считаться классическим и вполне объективным. Если бы оно было принято большинством советских археологов, то позволило бы избежать многих бесплодных споров и стремления «плодить» различные культуры на основании произвольно выбранной выборки материала. Однако этого не случилось.

Уже в 1960-е гг. разгорелся спор вокруг понимания самой сути понятия «археологическая культура», затянувшийся почти на два десятилетия. С одной стороны, он был вызван увеличивающимся числом различных культур, появляющихся на археологических картах, выделение ареалов которых не совпадало у разных исследователей, как и критериев подобной группировки памятников, а с другой – практика прямого сопоставления археологической культуры и этноса (Кнабе, 1959, с. 243–257; Смирнов, 1964, с. 3–10; Монгайт, 1967, с. 53–65; Каменецкий, 1970, с. 18–36; Клейн, 1970, с. 37–51; Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89).

В ходе этого обсуждения сложились две группы мнений о природе и сути понятия «археологическая культура». Одни (А.П. Смирнов, Е.И. Крупнов и др.) считали, что достаточно общего понимания ее как остатков материально культуры какой-либо этноязыковой группы (род, племя, союз племен), которую требуется правильно определить, исходя из материала, чтобы далее делать прямые выводы о характере социального строя обще-

ства и его этноязыковой принадлежности. Квинтэссенцию этого подхода выразил А.П. Смирнов: «Большинством археологов термин культура применяется в отношении памятников одного времени, расположенных на строго очерченной территории и отличающихся своеобразными чертами материальной культуры» (Смирнов, 1964, с. 4), которая может быть выделена на основании изучения лепной посуды и, с некоторыми оговорками, погребального обряда, с помощью картографирования сходных типов, и отражала реалии этноса и языковые границы (Смирнов, 1964, с. 4–6; Генинг, 1976, с. 5–35). В определенной степени подобный подход разделялся практически всеми ведущими археологами, считавшими, что археологической культуре практически всегда соответствует определенный этнос или даже языковая общность, хотя и с оговорками, что процесс сопоставления требует комплексной методики (Кнабе, 1959, с. 243–357; Третьяков, 1962, с. 3–16; Смирнов, 1964, с. 8; Смирнов, 1968, с. 71; Артамонов, 1971, с. 16–32; Генинг, 1976, с. 5–35; Захарук, 1990, с. 3–9). Тем самым в трудах советских археологов самой распространенной оказалась концепция Г. Косинны и его последователей.

Вторая концепция исходила из понимания того, что культура – это «упорядоченная совокупность устойчиво (регулярно) взаимосвязанных типов явлений материального мира, данных нам в археологических остатках, т. е. типов вещей и сооружений и отношений между вещами и сооружениями ... эта совокупность (элементов материальной фракции культуры), отличающаяся от других таких совокупностей, может быть понята как результат археологизации отдельной культуры, некогда функционировавшей» (Клейн, 2014, с. 100; см. также: Каменецкий, 1970, с. 18–36).

Как правило, практически все исследователи исходят из представления о том, что культура в археологии представляет собой некую объективную реальность, существовавшую в прошлом и, отражающую какую-то этническую общность (род, племя или союз племен) (Кнабе, 1959, с. 243–257; Монгайт, 1967, с. 53–65; Каменецкий, 1970, с. 18–36; Клейн, 1970, с. 37–51; Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89; Клейн, 1991; Ковалевская, 2000), хотя А.П. Смирнов считал ее категорией теорети-

ческой, «инструментальной» (Смирнов, 1964, с. 3–4).

Представляется, что это слишком оптимистический взгляд на эпистемологические возможности этого понятия археологии. Не всегда археологи способны увидеть реальность за скоплением памятников. Иногда они сами вполне сознательно и субъективно конструируют эту археологическую реальность, объединяя и группируя памятники в определенные совокупности. Как справедливо и точно написал по этому поводу археолог Н.Н. Крадин: «Люди начинают принимать за реальность схемы, которые были созданы для описания реальности... Конструктами являются не только этнонимы, но и выделяемые археологами АК (археологические культуры – И.И.). Археолог не столько выделяет границы АК, сколько создает их. После этого он сам и его коллеги начинают верить в реальность, объективность выделенной культуры. Следующим шагом обычно является наделение АК чертами этнической группы. Границы наносятся на карты. Так создаются народы. Среди археологов широко распространено мнение, что каждый настоящий археолог в своей жизни должен открыть АК. Для некоторых открытые (точнее созданные) АК становятся знаменем всей жизни. Если с течением времени накапливается новый материал, позволяющий сконструировать другие, более корректные на данный момент аналитические категории, они ревностно встают на стражу утвержденных раз и навсегда принципов. Другие, дабы закрепиться на археологическом пространстве, находят свой памятник, объявляют его отдельной культурой и таким образом легитимизируют профессиональную идентичность» (Крадин, 2009, с. 25).

Концепция о полном соответствии археологической культуры какой-то этнической общности, доставшаяся советской науке от Г. Косинны и А.А. Спицына, в последние полвека подвергается самой серьезной и принципиальной критике со стороны археологов и этнологов (Монгайт, 1967, с. 53–65; Renfrew, 1977, pp. 89–114; Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89; Арутюнов, 1989; Шнирельман, 1990, с. 49–56; Шнирельман, 1993; Шнирельман, 1995, с. 141–152), которые отвергают саму теоретическую возможность археологии с ее методами анализа материала, делать выводы об этнокультурных процессах и миграциях.

Не только прямое или с оговорками отождествление археологической культуры с какой-то этнической общностью показывает, что само понимание археологии как науки в современном отечественном профессиональном сообществе переживает кризис. Свидетельством его очевидности являются метаморфозы, которые претерпевает в частности, само понятие археологической культуры. При всех сложных дискуссиях, которые велись вокруг сути и содержания этого понятия, за пределами дискуссии остался один ключевой вопрос распространения этого базового понятия на весь археологический контекст. Между тем исторически сложилось так, что целые эпохи и государства выпали из зоны применения понятия «археологическая культура». Иными словами, без должных теоретических выкладок и обоснований ограничивается сфера применения базового для археологии как науки понятия и происходит его замена на различные эвфемизмы – «Древняя Русь», «Культура Древней Руси», «Культура Волжской Булгарии» и т. д. (Древняя Русь, 1985; Казаков, 1992).

Истоки этой традиции ведут свое начало еще в 1930-е гг. и являются характерным примером неизжитой отечественной археологией «химерического» отношения к объекту своего изучения. С одной стороны, постулируется строгая приверженность археологическим методикам и функциям науки, а с другой – молчаливо признается, что в период средневековья и раннего Нового времени археология выступает лишь одной из источниковедческих дисциплин общего исторического описания. Иногда этот подход называется комплексным источниковедением, но это не должно вводить в заблуждение, поскольку археология здесь выступает лишь как часть исторических дисциплин, а не самостоятельной наукой. В таком случае следует честно объявить и теоретически обосновать мысль, что пределы компетенции археологии ограничены дописьменными периодами истории общества, а в других случаях археология не способна решать никаких проблем за пределами этого периода, а везде ограничена строго своей компетенцией и не в состоянии решать, например, проблем этногенеза славян.

Наиболее отчетливо эти ограничения сформулировал А.П. Смирнов: «Понятие «археологическая культура» в работах археологов имеет в значительной степени служеб-

ный характер и тесно связано с изучением первобытного общества. Термин культура, в этом понимании, не может быть отнесен к рабовладельческому или феодальному обществу. Культура в применении к античному обществу, Ахеменидскому Востоку, Сасанидскому Ирану, Киевской Руси, Московской Руси имеет совершенно иной смысл, иное содержание. Термин культура, применяемый археологами, имеет отношение только к доклассовому обществу» (Смирнов, 1964, с. 3). С этих пор и до наших дней археологи продолжают следовать этим заповедям, практически забыв причину этого ритуального запрета. Но во всех учебниках археологии, начиная с классического учебника А.В. Арциховского (1955) и заканчивая новейшим учебником Московского университета (Археология, 2012) в разделах, посвященных античности и средним векам, археология излагается не по культурам, как в ранних периодах, а по государствам. Логического объяснения этому нет. Но объяснить это можно, с одной стороны, действием традиции и давлением авторитетов, а с другой – это удобная форма, чтобы изучая или описывая археологические явления в эти периоды перескакивать с археологии на историю или этнологию, не сдерживая свои порывы никакими теоретическими и концептуальными нормами и границами компетентности.

Понимая все эти сложности, а также учитывая наработки по созданию общей дефиниции, можно сформулировать понимание этого понятия. Представляется, что **археологическая культура** – это наиболее общее теоретическое понятие археологии, являющееся выявленным или конструируемым исследователем единством археологических памятников, относящихся к определенному промежутку времени и находящимся на сплошной и ограниченной территории, выражающемся в близком и устойчивом сходстве взаимосвязанных типов вещей и сооружений, а также в единообразном их изменении с течением времени (преемственность типов вещей и сооружений, обусловленная передачей опыта от поколения к поколению). Абсолютные количественные нормативы выделения археологической культуры не установлены, также как охват территории, временные рамки и количество археологических памятников. Предполагается, что археологическая культура представляет какое-либо человеческое

сообщество: хозяйственно-культурный тип, историко-этнографическую область или социальный организм (родо-племенной, конфессиональный, потестарный и т. д.) или даже социальный слой (например, военная аристократия и ее дружина). Нередко археологическая культура связывается с определенной материальной частью живой этнографической культурой отдельного этноса, но такие совпадения, как правило, судя по данным истории и этнографии, весьма редки и являются исключением из правила (Монгайт, 1967, с. 53–65; Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89; Арутюнов, 1989; Шнирельман, 1993; Шнирельман, 1995, с. 141–152). Поскольку археологическая культура является отражением человеческой культуры в широком смысле, то с течением времени, она претерпевала определенные изменения, вызванные культурной диффузией или внутренним развитием.

В этой связи становится понятным, что в силу советской традиции понятие археологической культуры не распространялось на памятники средневековья в Среднем Поволжье или распространялось весьма своеобразно – некоторые культуры априорно объявлялись «древнемордовскими», «древнемарийскими» или «древнебашкирскими», тогда как отсутствовала археологическая культура, соответствующая населению Казанского ханства. Все это заставляет подойти к вопросу о дефиниции и содержанию понятия о болгарской археологической культуре.

Болгарская археологическая культура: средневековое государство и население

Памятники археологии, которые связывают с находками, следами и остатками, оставленными населением Болгарского государства (конец IX – первая треть XIII в.), впервые начали научно изучаться во второй половине XIX в. в трудах А.Ф. Лихачева (1876, с. 1–50; 1886, с. 135–188), К.И. Невоструева (1871), С.М. Шпилевского (1877). Сам термин «болгарская культура» практически в этих трудах не употреблялся, но при этом А.Ф. Лихачев активно использовал термин культура по отношению к материальным объектам из Билярского и Болгарского городищ.

Позднее, с конца 30-х гг. XX в., когда развернулись активные исследования различных болгарских памятников, обнаружилось, что этих памятников довольно много и они обладают устойчивыми культурными признаками. Стало ясно, что это единый культурный

ареал. Однако сам термин археологическая культура к ним не применялся принципиально, поскольку в советской археологии преваляло мнение, что он не может быть применен к памятникам средневековых государств, а материалы археологии следует прямо экстраполировать на историческую реальность (см.: Смирнов, 1964, с. 3). Например, в обобщающем труде, посвященном итогам археологического изучения целого ряда болгарских городищ нет даже упоминания об соответствующей «археологической культуре» (Смирнов, 1951).

Подобная тенденция продолжается вплоть до недавнего времени. Весьма показательны в этом смысле учебно-методические работы К.А. Руденко под общим названием «Археология Волжской Булгарии», где для обозначения археологической реальности применяются различные неопределенные эвфемизмы, типа «болгарские древности», «памятники болгарского времени», даже «болгарские памятники» (Руденко, 2008; Руденко, 2018). Но при этом автор, очевидно, принципиально не пользуется термином «болгарская археологическая культура», всячески избегая его. Понять его теоретическую близорукость можно, ибо в противном случае ему потребовалось бы полностью сменить весь свой подход к теме. Описывать не археологические материалы, в качестве исторических фактов, смешивая исторические и археологические данные, а строго рассматривать археологические источники, на основе которых реконструируется историческое прошлое средневековой Булгарии. Он, как любой квалифицированный археолог, должен понимать, что изучает не археологию Волжской Булгарии (это теоретический нонсенс), а археологические данные, как источник для изучения «истории Волжской Булгарии». Принципиально здесь то, что археология изучает свои источники в качестве данных для реконструкции в рамках исторического исследования с кооперацией с другими науками. Археология изучает культуру прошлого, а история – средневековую Булгарию. Принципиальная разница двух разных подходов, смешивать и совмещать, которые недопустимо в научных трудах, а особенно в учебной литературе. Как бы то ни было, странно для исследования, которое позиционируется, как археологическое, не использовать археологи-

ческую терминологию и последовательную методику анализа прошлой культуры.

Для изучения средневекового Булгарского государства в Волго-Уральском регионе принципиально важно, что именно археологические источники являются одними из важнейших в связи с тем, что письменные источники отрывочны и дают весьма скудную информацию об этнокультурной и социально-политической истории этой страны. Но для полноценного и качественного изучения двух разных объектов необходимо четко представлять, что все археологические объекты исследуются в рамках болгарской археологической культуры, а исторические источники в рамках средневековой Булгарии.

Исходя из этого можно дать определить, что: «болгарская археологическая культура» – это совокупность памятников, расположенных в Волго-Уральском регионе, занимающих в Среднем Поволжье сплошную, ограниченную и компактную территорию, включающую земли от бассейна р. Свияга на западе до бассейна р. Шешма на востоке, от Верхнего Посурья и Примокшанья, Самарской Луки и бассейна р. Большой Черемшан на юге до Нижнего Предкамья от бассейна р. Казанки до устья р. Вятки на севере, которые хронологически относятся к промежутку времени с конца IX – до первой трети XIII в., где выявлено значительное сходство взаимосвязанных типов вещей и сооружений, а также единообразное их изменение с течением времени (керамического комплекса, украшений, орудий труда, быта и вооружения и т. д.), отличающихся деталями, формами и типами от подобных предметов, найденных на сопредельных территориях. Судя по совокупности данных нарративных источников, указанная территория в этот период занимала Булгарское государство (Булгария, Волжская Булгария, Волжско-Камская Булгария), население которой, определено, оставило ископаемую археологическую реальность, объединяемую в одноименную археологическую культуру. В последнее время подобная дефиниция терминов «болгарская культура» и «Волжская Булгария» вошла в ряд академических энциклопедий и используется все чаще (Измайлов, 2002, с. 488, 610–613).

Всего в Волго-Уральском регионе выявлено около 2000 памятников, которые исследователи относят к болгарской археологической культуре. Из них около 200 городищ,

более 700 селищ, 80 грунтовых могильников, а также отдельные местонахождения и клады (около 500) (Фахрутдинов, 1975; Белорыбкин, 1995, с. 41–61; Белорыбкин, 2003). Особенно сильно укрепленных городищ, которые систематизированы и довольно хорошо исследованы (Калинин, Халиков, 1954; Фахрутдинов, 1990; Хузин, 2001; Губайдуллин, 2019). Среди них выделяются остатки крупных (Болгарское, Билярское, Суварское, Богдашкинское, Алексеевское, Вальнское («Муромский городок»), Юловское и др.) городищ с укрепленной площадью более 20 га, которые исследователи связывают с крупными городами, зафиксированными в письменных источниках. Наиболее изученными являются Болгарское (Смирнов, 1951; Город Болгар, 1988; Великий Болгар, 2013), Билярское (Хузин, 1995), Суварское (Кузнечихинское) (Смирнов, 1941; Хузин, Шарифуллин, 1999, с. 85–100), Джукетаусское (Хлебникова, 1975, с. 234–251; Набиуллин, 2011), Богдашкинское, Вальнское («Муромский городок»), Юловское, Кошкиновотимбаевское (Хулашское) и др. городища. Некоторые из них существовали длительный историко-археологический период, включая болгарское (X–XIII вв.) и золотоордынское (XIII–XV вв.) время, а другие относятся исключительно к болгарской культуре. Ни для какой другой археологической культуры Волго-Уральского региона подобные памятники в таком количестве, такими размерами и мощностью культурного слоя не характерны.

Открыты также небольшие городища (очевидно, остатки малых городов и замков), размерами менее 20 га. Все они систематизированы и классифицированы, а часть из них довольно хорошо обследована (Фахрутдинов, 1990; Хузин, 2001; Губайдуллин, 2019), а часть подвергнута систематическим раскопкам.

Основное население проживало в неукрепленных селищах (выявлено более 700) разных размеров – площадью от нескольких десятков квадратных метров до нескольких десятков гектаров (Казаков, 1991; Руденко, 2001). На памятниках выявлен значительный культурный слой – от 20–40 см до 1,5–2 м на крупных городищах, что свидетельствует об интенсивной строительной и хозяйственной деятельности. Судя по топографии расположения памятников, все эти селища концентрировались близ городищ, образуя сельскую округу городских центров.

Наиболее характерным памятником являются могильники (около 100) с различным обрядом захоронения. Обычно для болгарской культуры археологами обобщенно выделяется два типа захоронений. К первой группе относятся могильники (Новинковский, Брусаянский, Уреньский, Шиловский, Большеатарханский, Танкеевский, Больше-тиганский и др.) с языческим погребальным культом (погребения с вещами, культ коня, курганные захоронения и т.д.) (Казаков, 1992; Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998;), где совершались захоронения на рубеже VII–VIII – второй половине X в. Ко второй – некрополи, относящиеся к первой половине X – первой трети XIII в. с мусульманской обрядностью (Билярские, Танкеевский, Спасские, Измерское и др.). Подобные памятники характеризуются захоронением в неглубоких ямах (иногда в гробах), ориентация покойного по кыбле: головой на запад, тело чуть повернуто на правый бок, лицо обращено в на юг (как правило, отсутствует погребальный инвентарь) и т. д. Данный обряд с конца X в. становится единственным выявленным во всем ареале болгарской культуры (Халикова, 1986; Измайлов, 2016, с. 68–92).

Нет никаких сомнений, что этот обряд, а также целый ряд других особенностей данной культуры, является отличительным признаком данной культуры, выделяющим ее из всех других синхронных культур Волго-Уральского региона. Принимая во внимание, что погребальный обряд считается одним из важнейших признаков этнокультурной характеристики ископаемого общества, следует указать его прямое сходство с мусульманским обрядом погребения умершего – ориентация по кыбле, в сторону Мекки. Это дает самые серьезные основания, чтобы определить образ болгарской культуры, как относящейся к мусульманской цивилизации, и ориентировать ее этнокультурные связи в сторону мусульманского мира.

На поселениях изучены наземные жилища, полуземлянки и землянки, кирпичные и белокаменные общественные здания (мечети, бани и др.) и мавзолеи, хозяйственные постройки (гончарные и металлургические горны, производственные помещения и т. д.), на городищах открыты остатки укреплений в виде валов со следами деревянных стен различной конструкции (от частокола до городней) (современную сводку сведений

о Булгарии см.: История татар с древнейших времен, 2006).

Основой хозяйства населения, оставившего булгарскую культуру, являлось земледелие в форме степного перелого (или двухполюя), домашнее скотоводство с элементами отгонного, рыболовство, промыслы (охота на пушного зверя, бортничество и пр.) и городское и сельское ремесленное производство: металлургия железа и бронзы, гончарство (Хлебникова, 1984; Посуда Биляра; Васильева, 1993), стеклоделие, деревообработка, косторезное, ювелирное, оружейное дело и т. д. Развитая торговля и товарно-денежные отношения (чеканка булгарской монеты, клады арабских дирхемов, предметы торговли из стран Ближнего и Переднего Востока, Средней Азии, Руси и Западной Европы) (Полубояринова, 1993; Валеев, 2007).

Булгарская культура характеризуется наличием большого количества городищ и селищ, имеющих мощный (до 1–1.5 м) культурный слой. На памятниках выявлены остатки монументальных построек (кирпичные и белокаменные здания) и развитой ремесленной деятельностью, в том числе производства своеобразной круговой гончарной посудой разнообразных форм (кувшины, горшки, миски, кружки, хумы и пр.); некоторыми типами хозяйственного и бытового инвентаря (топоры, замки и др.); украшениями женского костюма (витые браслеты, трехбусинные височные подвески, в том числе из золота) (Руденко, 2011); мусульманской погребальной обрядностью; находками бытовых предметов с надписями (руническим и арабским письмом), а также практически полным отсутствием в археологических материалах костей свиньи и некоторыми другими элементами.

Важной особенностью булгарской культуры является характерный набор предметов вооружения, конского снаряжения и воинского костюма. Для этого ареала известен полный набор предметов оружия (сабли, мечи, кинжалы, копья (включая специализированные пики), булавы и кистени, защитного вооружения (кольчуги, пластинчатый и чешуйчатый доспех, шлемы и щиты) и конского снаряжения (стремена, удила, детали седел, детали узды и ногаек, а также шпоры) (Измайлов, 1997; Измайлов, 2008). Воинский костюм включал поясную гарнитуру, особенностью которой было наличие большого количества железных накладок.

Булгарская культура возникла в конце VII в., когда в Среднем Поволжье локализируются памятники южного происхождения (Бураковское погребение, Шиловский курганный могильник и др.), в VIII – начале X в. в этом регионе на основе смешения традиций нескольких археологических культур (салтово-маяцкая, кушнаренковская, полумская, ломоватовская и др.), а в начале X в. под влиянием становления государства, развития городов и принятия ислама формируется единая государственная культура городского типа, нивелировавшая хозяйственные и культурно-бытовые особенности раннего этапа булгарской культуры. В конце X–XIII вв. происходит развитие особенностей культуры, внутри которой развивается несколько субкультур (военно-дружинная, городская), испытывавшие влияние средневековых цивилизаций Европы и Азии. После завоевания Волжской Булгарии Золотой Ордой) булгарская культура, претерпев ряд изменений, развивалась как локальный вариант золотоордынской культуры.

Если ранее историки и археологи могли реконструировать социальную и этнокультурную историю Волжской Булгарии только на основе письменных данных, то сейчас вполне оправдано максимально широкое использование археологических материалов. В последние годы был выполнен целый ряд специализированных исследований по различным видам и отраслям материальной культуры Волжской Булгарии. Особо следует подчеркнуть значение комплексного исследования таких элементов булгарской культуры, как художественный металл, керамика, архитектура, стеклоделие и железодельное производство, вооружение и военное зодчество. Все эти элементы материальной культуры, объединенные в структуру булгарской археологической культуры при высоком уровне обобщения и реконструкции, позволяют в дальнейшем использовать эти данные уже в качестве полноценного исторического источника в рамках исторического исследования.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что археологическая культура дает только часть сильно искаженной временем и обстоятельствами информации о материальном аспекте культуры, оставившего ее населения. Полноценной реконструкция жизнедеятельности общества и его функционирования как социального организма возможна только в рамках

комплексного исторического исследования. Можно сказать, что археологические исследования памятников болгарской культуры позволили выявить не только разнообразный материал по всем сторонам жизни средневекового населения, но и, при сопоставлении с другими материалами, заполнить лакуны и раскрыть многие, до этого неизвестные, страницы истории и культуры Волжской Булгарии. Особая значимость их в том, что корпус

этих источников ежегодно пополняется, что при совершенствовании сбора, анализа и систематизации, при компетентном использовании процедур археологического исследования, могут и должны стать полноценным источником для реконструкции и понимания динамики развития материальной и духовной культуры средневекового населения Волжской Булгарии.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д.А.* Основы археологии: учеб. для вузов. М.: Высшая школа, 1989. 335 с.
- Алымов С.С.* Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. №3 (97). С. 7–36.
- Артамонов М.И.* Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 16–32.
- Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
- Арутюнов С.А., Хазанов А.М.* Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. 1979. № 6. С. 79–89.
- Арциховский А.В.* Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Труды секции социологии РАНИОН. 1926. т. 1. С. 123–135.
- Арциховский А.В.* Основы археологии. М.: Госполитиздат, 1955. 280 с.
- Арциховский А.В., Киселёв С.В., Смирнов А.П.* Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // СГАИМК. 1932. №1–2. С. 46–48.
- Археология: учебник / Под ред. В.Л. Янина. 2-е изд., исп. и доп. М.: Изд-во МГУ, 2012. 608 с.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.
- Белорыбкин Г.Н.* Городища X–XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте) // Странице истории Волго-Донья / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: Изд-во ПГПУ, 1995. С. 41–61.
- Белорыбкин Г.Н.* Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во ПенГПУ, 2003. 200 с.
- Быковский С.Н.* О классовых корнях старой археологии // СГАИМК. 1931. №9–10. С. 2–5.
- Быковский С.Н. О предмете истории материальной культуры // СГАИМК. 1932. №1–2. С. 3–6.
- Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 263 с.
- Валеев Р.М.* Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья. Казань: Изд-во КГУ, 2007. 392 с.
- Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: УИГ «Наука», 1993. 247 с.
- Великий Болгар. М., Казань: Феория, 2013. 404 с.
- Ганжа А.И.* Этнические реконструкции в советской археологии 40–60 гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наукова думка, 1987. С. 118–158.
- Генинг В.Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: КФАН СССР, 1959. С. 157–218.
- Генинг В.Ф.* Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удм. НИИ истории, экономики, литературы и яз., 1976. С. 3–35.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е - первая половина 30-х годов). К.: Наукова думка, 1982. 225 с.

Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. К.: Наукова Думка, 1983. 224 с.

Генинг В.Ф. Заметки к построению теории археологической культуры // Археология и методы исторических реконструкций / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, 1985. С. 50–74.

Генинг В.Ф. Археологическая культура – социально-исторический организм – центральная категория познания археологии (к разработке теории археологической культуры) // Исследование социально-исторических проблем в археологии / Отв. ред. С.В. Смирнов. К.: Наукова думка, 1987. С. 6–35.

Генинг В.Ф. Археология – целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания»? (по поводу концепции объекта и предмета археологии Л.С. Клейна) // СА. 1989. № 3. С. 215–228.

Генинг В.Ф., Генинг В.В. Очерки философии социархеологии. Проблема обоснования социоисторических исследований в археологии. Киев: Наукова думка, 1992. 250 с.

Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А.Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. 280 с.

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. // Археология Евразийских степей. 2019. № 3. 323 с.

Древняя Русь. Город. Замок. Село. Археология СССР / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. 431 с.

Захарук Ю.Н. Парадокс археологической культуры // Проблемы советской археологии / Под ред. Кропоткина В.В., Матюшина Г.Н., Петерс Б.Г. М.: Наука, 1978. С. 49–54.

Захарук Ю.Н. Об одной концепции археологического источниковедения // СА. 1983. № 3. С. 72–81.

Захарук Ю.Н. Археология: наука историческая или источниковедческая? // СА. 1989. №3. С. 207–214.

Захарук Ю.Н. Спорное и бесспорное в изучении археологических культур // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 3–9.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X–XIII в. Казань; Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Измайлов И.Л. Булгарская культура // Татарская энциклопедия: В 5 т. Казань: Изд-во Ин-та татарской энциклопедии, 2002. Т.1: А-В. С. 488.

Измайлов И.Л. Волжская Булгария // Татарская энциклопедия: В 5 т. Казань: Изд-во Ин-та татарской энциклопедии, 2002а. Т.1: А-В. С. 610–613.

Измайлов И.Л. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII вв.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С.68–92.

Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.

История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.П. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. 960 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. / Труды КФ АН СССР. сер. истор. наук. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1954. 127 с.

Каменецкий И.С. Археологическая культура: ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.

Киселёв С.В. Поселения. Социологический очерк // Труды секции теории и методики (социологической) РАНИОН. 1928. Т. 2. С. 35–68.

Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37–51.

Клейн Л.С. К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы археологии и этнографии. Вып. I. / Под ред. М.И. Артамонова и Р.Ф. Итса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 13–22.

Клейн Л.С. Археологические источники. Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 119 с.

Клейн Л.С. Структура археологической теории // ВФ. 1980. № 3. С. 99–115.

Клейн Л.С. Проблемы преемственности и смены археологических культур // Преемственность и инновации в развитии древних культур / Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряз. Л.: Наука, 1981. С. 33–38.

Клейн Л.С. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // СА. 1986. № 3. С. 209–219.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: АН СССР, 1991. 448 с.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 118 с.

Клейн Л.С. Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет) // Stratum plus. 2000. №4. С. 88–140.

Клейн Л.С. Принципы археологии. СПб.: Бельведер, 2001. 152 с.

Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология: учеб. Пособие. СПб.: Бельведер, 2004. 470 с.

Клейн Л.С. Новая Археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2009. 393 с.

Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т.1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 688 с.

Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т.2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 624 с.

Клейн Л.С. Теоретический словарь археологии. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2014. 279 с.

Клейн Л.С. Культура и эволюция. Теоретические исследования. СПб.: Евразия, 2018. 316 с.

Кнабе Г.С. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // СА. 1959. № 3. С. 243–257.

Ковалевская В.Б. Археологическая культура: практика, теория, компьютер. М.: Изд-во «Фонд археологии», 1995. 191 с.

Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб.: Алетейя, 1998. 245 с.

Кочуркина С.И. Древняя корела. Л.: Наука, 1982. 216 с.

Кочуркина С.И. Корела и Русь. Л.: Наука, 1986. 141 с.

Крадин Н.Н. Археологические культуры, этнические общности и проблема границы // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й научно-практической конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 23–27.

Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II АС. Вып. I. М.: [б.и.], 1876. С. 1–50.

Лихачев А.Ф. Скифские элементы в Чудских древностях Казанской губернии // Труды IV Археологического съезда. Т. I. Одесса: [б.м.], 1886. С. 135–188.

Мартынов А.И. Археология СССР. Учеб.пособ. Для студ. ист. фак-тов пед. ин-тов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1982. 271 с.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. 225 с.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1978. 191 с.

Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований) // НАА. 1967. №1. С. 53–65.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М.: Наука, 1973. 356 с.

Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанских царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М.: Синод. тип., 1871. 112 с.

Набиуллин Н.Г. Джукетау – город болгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.

Неретина С.С. Смена исторических парадигм в СССР (1920–1930 гг.) // Наука и власть. М.: Наука, 1990. С. 22–49.

Петров Н.И. Археология: учеб. пособие. СПб.: Изд-во «СПбКО», 2008. 232 с.

Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков / САИ. Вып. Е1-19. М.: Наука, 1973. 96 с.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Платонова Н.И. Г. Косинна и А.А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии») // Земля наша велика и обильна. Сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова. СПб.: «Невская Типография». 2019. С. 332–342.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

- Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1986. 148 с.
- Равдоникас В.И.* За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК. 1930. Том VII. Вып. 3-4. 94 с.
- Равдоникас В.И.* Археология на службе у империализма // СГАИМК. 1932. №3-4. С. 19-35.
- Равдоникас В.И.* Археология в Германии после фашистского переворота // СЭ. 1935. №1. С. 140-145.
- Руденко К.А.* Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI-XIV вв. Казань: Школа, 2001. 242 с.
- Руденко К.А.* Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X-XX вв.): учебное пособие. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 264 с.
- Руденко К.А.* Археология Волжской Булгарии (X – начало XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2018. 112 с.
- Руденко К.А.* Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Т.1. Казань: Заман, 2011. 256 с.
- Рыбаков Б.А.* Историзм археологии // КСИА. 1978. № 152. С. 5-7.
- Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X-XV вв. / САИ. Е1-60. Л.: Наука, 1981. 123 с.
- Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.
- Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI – XIII вв. / Археология СССР. М.: Наука, 1982. 326 с.
- Седов В.В.* Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М.: Языки славянских культур, 1999. 317 с.
- Седов В.В.* Славяне в древности. М.: НПБО «Фонд археологии», 1994. 128 с.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М.: НПБО «Фонд археологии», 1995. 416 с.
- Смирнов А.П.* Сувар // Труды ГИМ. Вып. XVI. М.: Изд-во ГИМ, 1941. С. 135-171.
- Смирнов А.П.* Волжские болгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.
- Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 3. С. 3-17.
- Смирнов А.П.* Об археологических культурах Среднего Поволжья // СА. 1968. № 2. С. 63-71.
- Смирнов И.И.* Возможна ли «марксистская история материальной культуры»? (По поводу книги В.И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры». Л., 1930) // Сообщения ГАИМК. 1932. №1-2. С. 37-46.
- Соловей Т.Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 101-121.
- Толочко П.П.* Древнерусская народность. СПб.: Алетейя, 2005. 218 с.
- Толочко П.П.* Археология и древняя история (В защиту исторического марксизма). Киев: ИД «Академперіодика», 2007. 104 с.
- Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.
- Фахрутдинов Р.Г.* Классификация и топография болгарских городищ // СА. 1990. №4. С. 68-84.
- Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 128 с.
- Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.
- Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.
- Хлебникова Т.А.* К истории г. Жукотин (Джукче-Тау) (по работам 1971-1972 гг.) // СА. 1975. № 1. С. 234-251.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
- Худяков М.Г.* Финская экспансия в археологической науке // СГАИМК. 1931. №11-12. С. 25-29.
- Худяков М.Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. 162 с.

Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра - Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 223 с.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X - начале XIII вв. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.

Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Учебное пособие. Казань: «Фолиант», 2006. 583 с.

Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Древняя Казань. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 154 с.

Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань: ИИ АН СССР, 1999. С. 85–100.

Шер Я.А. Методологические вопросы археологии // Вопросы философии. 1976. № 10. С.67–79.

Шнирельман В.А. Этноархеология – 70-е годы // СЭ. 1984. № 2. С. 100–113.

Шнирельман В.А. Этноархеология // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Отв. ред. М. В. Крюков, И. Зельнов. М.: Наука, 1988. С. 95.

Шнирельман В.А. Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 49–56.

Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (Проблема интерпретации керамических ареалов). Препринт. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1993. 39 с.

Шнирельман В.А. Археология и этнография: проблемы корреляции // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...» / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Барнаул: Изд-во АлГУ, 1995. С. 141–152.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: [б.и.], 1877. 611 с.

Renfrew C. Space, time and polity // The evolution of social systems. L.: Duckworth, 1977. pp. 89–114.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

BOLGAR ARCHAEOLOGICAL CULTURE: CONCEPT STRUCTURE AND CONTENT

I.L. Izmaylov

In the system of archaeological knowledge, the concept of “archaeological culture” is an essential theoretical construct determining the gnosiological capabilities and the direction of its development as a science concerning the past of mankind as a whole. At the same time, the “archaeological culture” concept has remained the main theoretical tool designed for studying, describing and reconstructing the historical past. Archaeological culture is a characteristic link between the monuments of a dead and fossil culture and the living past, due to which the humanitarians have an opportunity to compare archaeological data with that of other related sciences, allowing to compare archaeological traces and remnants of a past life and the data of other source study disciplines in order to reconstruct the life of the humanity within the framework of historical narratives. Archaeological monuments with specific characteristic features combined into a single areal can be regarded as the Bolgar archaeological culture left by the population of Volga Bulgaria. Studies of these monuments have allowed to revealed not only a variety of materials pertaining to all aspects of the life of the medieval population, but also, if compared with other materials, fill in the gaps and reveal numerous previously unknown pages of the history and culture of Volga Bulgaria.

Keywords: archaeology, archaeological culture, Volga Bulgaria, Bolgar archaeological culture, archaeological map, funeral rites, towns, craft, ceramic complex, adornments, power symbols.

About the Author:

Izmaylov Iskander L. Doctor of Historical Sciences Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

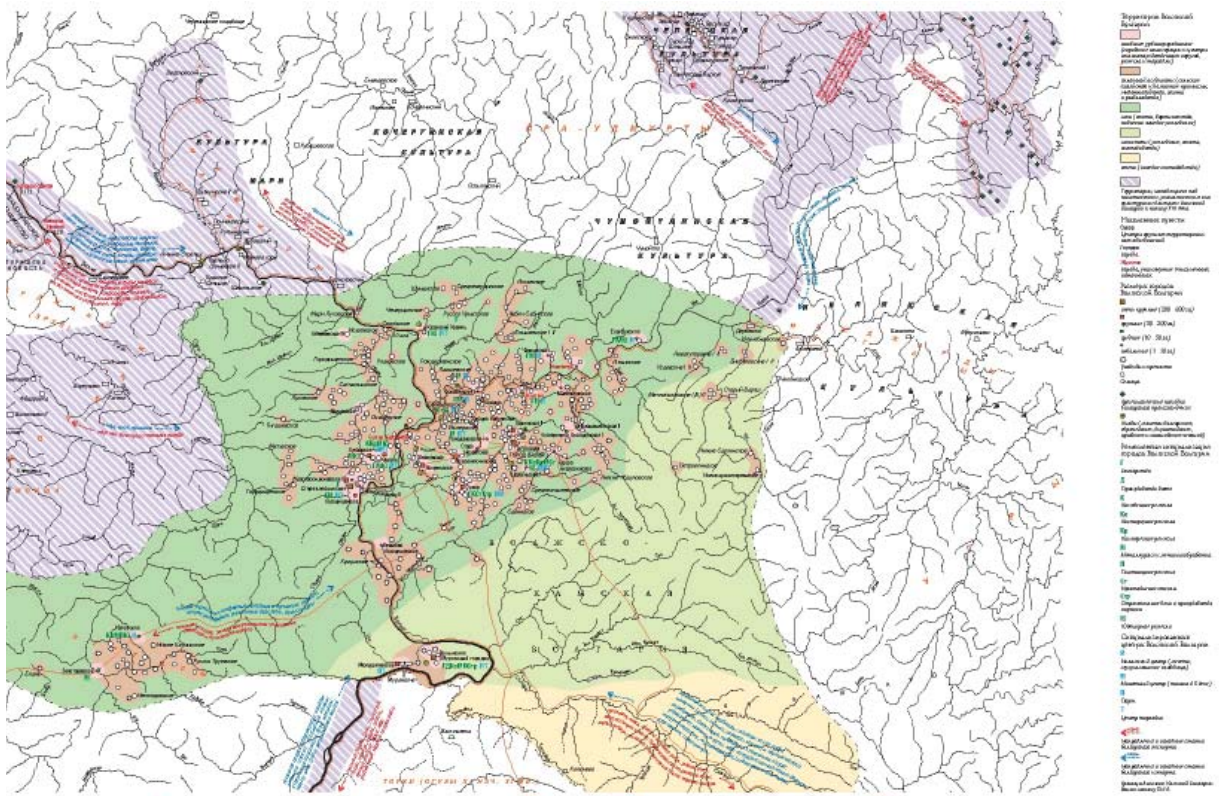

Рис. 1. Карта Волжской Булгарии X - XIII вв. (по Атласу Tartaisa. Казань, М.; СПб.: Изд-во «Дизайн Информация. Картография», 2006)

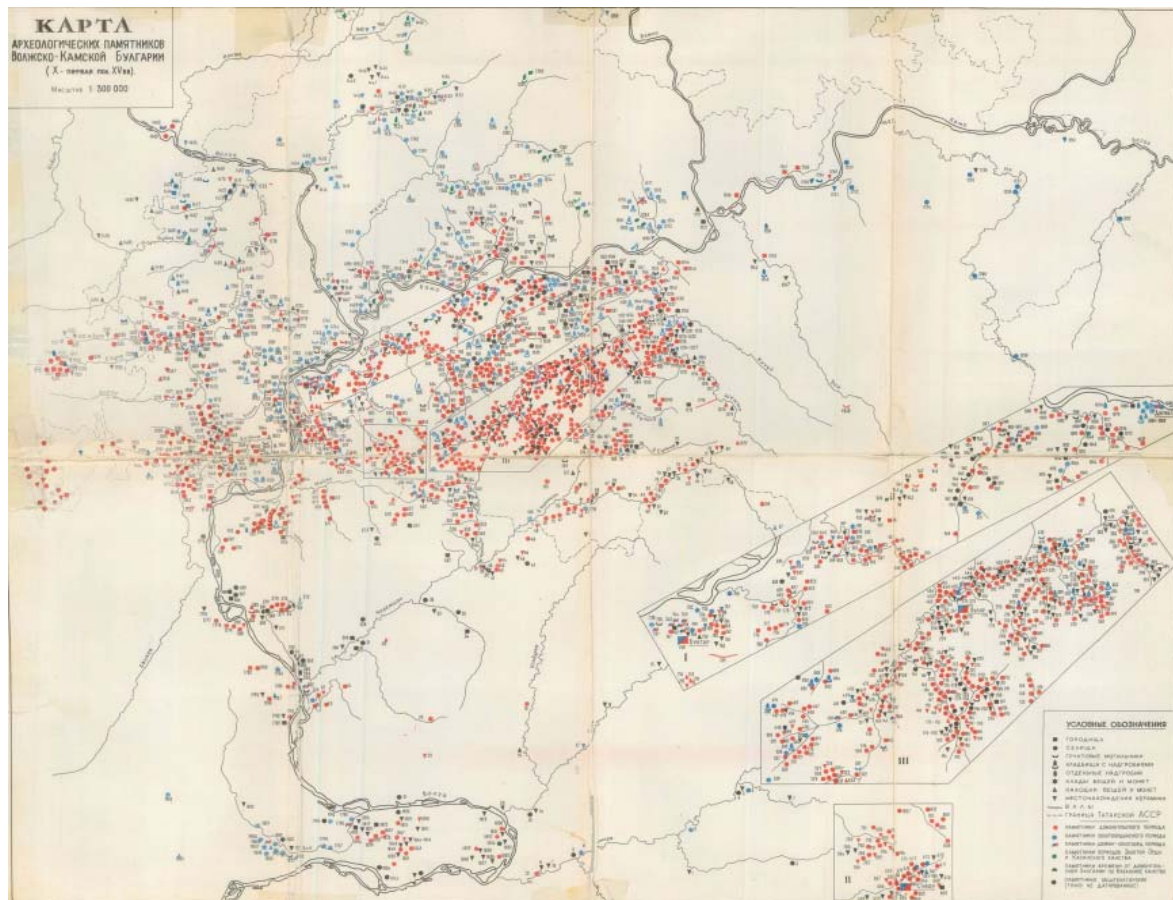

Рис. 2. Памятники булгарской археологической культуры (по Фахрудинову, 1975, вклейка).

1

2

3

4

Рис. 3. Керамика из болгарских памятников (1-3 – Болгарское городище. МБЦ; 4 – Джукетауское городище (По Н.Г. Набиуллину, 2011).

Рис. 4. Характерные болгарские украшения. 1 – золотое височная подвеска (НМ РТ); 2 – серебряное височная подвеска (НМ РТ); 3 – набор золотых украшений из Золотаревского городища (по Г.Н. Белорыбкину).

Рис. 5. Характерные типы болгарских изделий. 1 – бронзовая матрица (Золотаревское городище, ЗМЗ); 2 – костяная запястная пластина с зооморфным изображением (Билярское городище, НМ РТ); 3 – железный топор (Болгарское городище, МБЦ); 4 – бронзовый замочек (Болгарское городище, МБЦ).